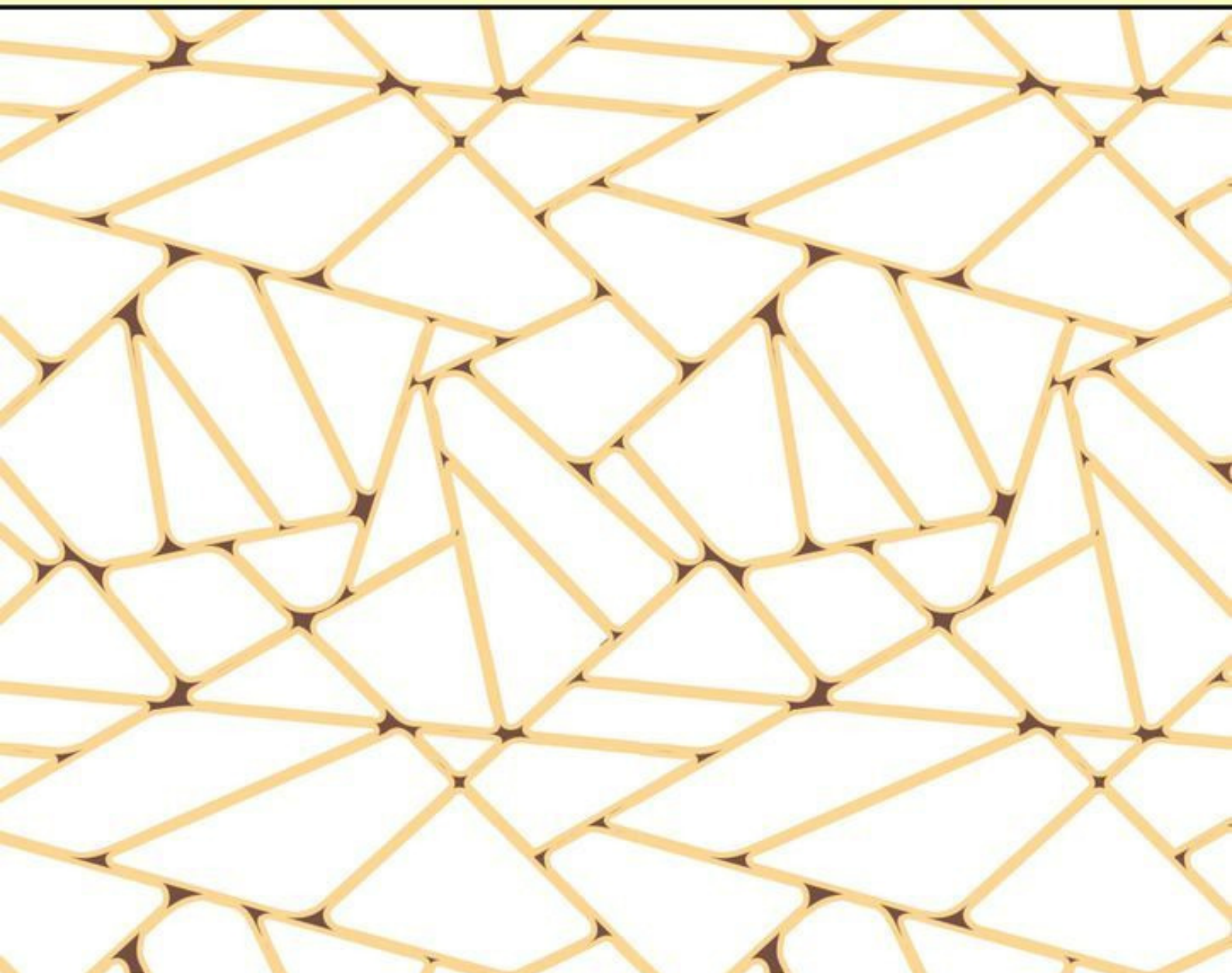

18+ Владимир Сметанин

Улитинские сокровища

Владимир Сметанин
Улитинские сокровища

«Издательские решения»

Сметанин В. А.

Улитинские сокровища / В. А. Сметанин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-963028-5

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Главный герой, Петр Улитин — предприниматель и общественный деятель районного масштаба, волей случая становится организатором поисков клада своего прадеда. Попутно в это предприятие вовлекается немало народу, хотя абсолютно никто не представляет, что же надо искать. В конце концов сокровищница найдена; в ней — проржавевшее оружие вековой давности. Действие происходит в наши дни в Восточной Сибири. Идея книги — не стоит строить далеко идущих планов, лучше сделать что-то заметное здесь и сейчас.

ISBN 978-5-44-963028-5

© Сметанин В. А.
© Издательские решения

Улитинские сокровища

Владимир Алексеевич Сметанин

© Владимир Алексеевич Сметанин, 2019

ISBN 978-5-4496-3028-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Все началось в мае. И даже еще раньше, когда заместитель председателя Славногорской районной думы Петр Ильич Улитин – уважаемый, солидный и полновесный член славногорского общества, получил извещение из прошлого века. Среди старых семейных фотографий его прадеда Кузьмы Францевича Улитина числом три десятка однажды при генеральной уборке обнаружилось странное письмо – не письмо – записка. Фотографий больше не случилось, поскольку Кузьма Францевич, во-первых, не был мотом, а фотография выходила недешевым удовольствием, а кроме того – заказать фотографа – это надо было «ждать очередь». Ждать ее Улитин не привык, – это его ждали – крепкого хозяина, почтенного купца, известного не только в здешних краях, но и далее, вплоть до Китая. Многочисленные просители клянчили в долг на свадьбу младшего сына, на разведение редкого байкальского осетра, кто-то планировал производство дешевого мяса из африканских буйволов, как его двоюродный брат, оставшийся после плена в Германии – всего-то и надо было ничего – сто пейсят тыщ. А вернется с лихвой. Были также прожекты жестяных аэропланов и другая чушь. Отдавший без остатка душу вере, царю и отечеству, Кузьма Францевич не жаловал новоидейных прощелыг. Одно и то же – смутьяны. Хотя пахнущую настоящими деньгами затею улавливал сей миг. После переворота ходил он под Колчаком, а когда белая гвардия полегла, ушел в леса, где два года с твердыми мужиками бился за власть царя-батюшки, четырежды был ранен. Но выжил, один из немногих, а их осталось по лесам сотни две-три, не больше. И те уж ничего не хотели – вернуться бы домой – да везде комиссары. Это тебе не городской, не начальник полиции: «почему вы?» и прочее – нет, сразу к стенке. Смирив свою гордость, однажды тайно вечером он пробрался к дому местного сельсоветчика Пашки Бортника, ровесника и башибузука, с которым в детстве они вместе перли огурцы с огородов на другой улице, ходили на охоту и рыбалку.

– Опоздал ты, друг Францевич, Выселили твоих кулаков, а куда – и не знаю -отвечал на главный его вопрос старый приятель. – А теперь, если есть у тебя оружие – сдай его. Ты арестован.

– Скажи хотя бы, где это можно узнать.

– А там, куда попадешь, там и узнаешь.

– Давно ты такой сволочью стал?

– Не раньше, чем ты. Забыл о своих батрачках?

– Свинячил ты не меньше.

– Но я не обкрадывал.

– Ну конечно, ты и не обещал. С чего обещать-то бесштанной команде?

Ствол револьвера моментально поднялся поверх стола до пояса мироеда, но, несмотря на свою громоздкую комплекцию, он был необыкновенно проворен: вся шестипудовая масса его, вложенная в кулак, пришлась на зубы сельсоветчика. Непростительно было для последнего забыть о резвости, всегда отличавшей Улитиных. В его черепе что-то хрустнуло и он откинулся на спинку стула. Наган вывалился из помертвевшей руки.

Бесполезно было искать по необъятным просторам семью, особенно когда по пятам шли люди из ГПУ. Он с тройкой таких же проклятых двинулся в тайгу – благо, в четырех днях

пути и кордон с Китаем, из пограничной охраны – только волки, расплодившиеся в последние годы. Но волки – не люди, их бояться не след. Кузьма Францевич исчез навсегда. Таково было в общих чертах семейное предание Улитиных, хотя как все обстояло на самом деле, точно никто не знает.

Говорили, Кузьма Францевич был сказочно богат, но никому из наследников ничего из этого богатства не досталось. Хотя как знать – о нем родственники предпочитали не распространяться – дабы не накликать лиха. Хотя ходили слухи, что старший Улитин припрятал золото в надежде вернуться. Поэтому понятно, какой интерес вызвала у его потомка записка, возможно, ведущая к сокрытым сокровищам крепкого хозяина. «Федя, то, что вам нужно, в третьем улье под глазом « – значилось в ней.

– Да-а – протянул Петр Ильич, чувствуя, как в груди его разгорается охотничий азарт. – Это же... – и от избытка чувств он взерошил волосы. Разумеется, у зампреда и в мыслях не было, найдя клад предка, пустить все богатство на рост экономической мощи родного дотационного района, вследствие чего догнать и перегнать тучные северные территории, где славно уродились нефть и газ. Нет, он представлял себе, как разовьет собственную торгово-производственную деятельность, вплоть до выхода на Запад и на Восток. Чем он хуже прадеда? Вилла на Лазурном берегу... Рыбалка в норвежских форелевых садках, семга по десять кило. Нет, это не то. Шут с ними, с деньгами, за удовольствие можно заплатить, но удить рыбу из садка, где она кишит – все равно, что пить безалкогольное пиво или делать променады по окрестностям на велотренажере. Найдутся развлечения и получше. На что у него голова? Так думал он, будучи помоложе. Но и сейчас насовсем от этих мыслей не отказался.

Улитины – вообще крепкая фамилия. Вот он – без пяти минут председатель думы и хозяин двух пилорам и магазина; как фермер, владеет отарой овец. Далось все это не само собой. Складывать копейку к копейке он начал с младых ногтей: учась еще в школе, собирал и сдавал бутылки, макулатуру, в институте подрабатывал грузчиком на ЖД станции, после – умудрялся работать на двух работах, и хотя не уклонялся и от коллективных посиделок, но никогда не скидывался на них, принося взамен свой домашний самогон. Хороший самогон. Вот и двоюродный брат у него в соседнем районе – судья, зарплата у него – как в сумме у среднего колхоза, племянник – в одной из западных областей – начальник элитной зоны, другой племянник, здесь же, в Славногорске – адвокат. Да и прочие родственники не хуже – поднявшиеся, уважаемые люди. Петр Ильич в свое время чуть не связался накрепко с сельским хозяйством, что было бы, конечно, непростительно. Достаточно того, что он содержит небольшую отару, которую пестует старый чабан Коркин. Овцевод давно уж на пенсии, но до того въелась в него чабанская жизнь, что взялся старый за улитинскую отару без долгих уговоров. Мелкий рогатый скот никакой особой прибыли не дает, не то что раньше, когда шерсть была в великом почете и за нее давали дефицитные товары, благодарности, а при особо большом настриге – и ордена. Но, правду сказать, и планы-то были страсть напряженные: встречные, усиленные сообязательствами, и так далее. Не было планов для владельцев овец в домашних подсобных хозяйствах, но и выдавали они не так много шерсти, чтобы рассчитывать на какую-то солидную вещь. Однако народ не лаптем щи хлебал:

– Петро – говорил один владелец овец другому – у меня их шесть штук, если по четыре кило шерсти с одной – 24. Давно стою в очереди на «Жигули», но там надо сто килограммов, чтоб вне очереди. Ты подкинь мне со своих, еще пять человек я найду. Со следующего настрига я тебе отдам всю свою. А деньги-то все равно получишь.

Такая кооперация замечательно помогала обзавестись необходимыми вещами, которые при ином порядке приобретения были бы куплены после морковкина заговенья. Частные владельцы уж, конечно, расстарались бы, чтобы без посторонней помощи сдать необходимую кучу шерсти, да не под силу было содержать большое количество овец: сенокосы распределены до последнего квадратного метра, все сеяные кормовые культуры шли почти исключительно

на общественное животноводство. Да и то не хватало, поскольку его было слишком много. Поэтому в колхозах и совхозах исхитрялись заменять часть нормальных кормов крапивой, березовыми и осиновыми вениками, зимой, под видом витаминной добавки – лапами хвойных деревьев. Особо впечатляющей была битва за обеспечение великого поголовья овец веточным кормом. Березам в ту пору пришлось очень несладко: на заготовку веников выезжали целые десанты совслужащих. Веники связывали попарно и вывешивали для провяливания на чердаках кошар. Там они висели всю зиму, неизвестно почему не съедаемые, до следующего лета. Летом приезжал очередной десант, выбрасывал старые и вешал новые веники. Планы по веникам, хоть и с определенным напряжением, неизменно выполнялись. Но в личных подсобных хозяйствах веники заготавливали только для бани, а овец предпочитали кормить, как повелось истари. И, конечно, до падежа от бескормицы дело не доводили, в отличие от колхозных и совхозных отар, где это случалось то и дело.

– Ну с чего у тебя, Иван, опять падеж-то? – выговаривало в таких случаях начальство чабану. – Кругом плюрализм и демократия, будь она... а у тебя – падеж! Ну куда это годится?

– Так корма-то кончились, на соломе в мороз долго не протянешь.

– Так у тебя же есть веники. Березовые! Как пахнут, сам бы ел! Там одних только витаминов немеряно.

– Не знаю, не пробовал. А овцы не едят. Хоть тресни. Они сдохнут, а не станут веники есть.

– Ну надо воспитательные меры применять. Ты подумай ведь, сколько народу готовило эти веники, сколько березок заломали! И что теперь, все на свалку? А главное – овец-то как списывать будем? При наличии веников?

– Ну не едят они эти веники, хоть тресни! Дикие козы, может, едят, а эти – нет.

– Ну как же не едят? У всех едят, а у тебя не едят!

– У кого это? Хоть бы посмотреть, как они едят, паразиты!

Тут начальство обычно начинало мяться и уклоняться от прямого ответа и адреса отары, где овцы едят веники, не давало. Поскольку во всех других отарах веники овечками также игнорировались.

Чем труднее давалась шерсть, тем дороже ценилась. Как и все в этом мире. Сейчас цена ее на уровне травяной пакли, сбыть руно – проблема из проблем. Другое дело – баранина: спрос на нее есть, но, опять же, не сказать, чтобы какой-то особый. Петр Кузьмич давно уже подумывает разделаться с этим овечьим делом, останавливает только соображение, что это будет оплеуха управлению сельского хозяйства и всей администрации. Потому что на районных совещаниях, когда речь заходит о производстве продукции села, неизменно упоминается фамилия Улитина, который, несмотря на трудности, сохраняет для района важную отрасль.

– На самом деле в самом ближайшем будущем она займет свое законное место в народном хозяйстве нашего района – говорил обычно начальник сельхозуправления на очередном заседании товаропроизводителей. – Страна откажется от австралийской шерсти и аргентинского мяса и мы обеспечим ее собственной продукцией. Уже наметился резкий поворот в сторону на самом деле отечественных стад. И мы не пожалеем сил, чтобы для крупного рогатого скота и для овец построить новые, современные помещения со всеми удо... я хотел сказать – со всеми необходимыми условиями содержания, с прекрасными глубокими скважинами и новыми воротами. – Тут перед мысленным взором начальника возникают эти фантастические картины и на глаза наворачивается скупая мужская слеза. При этом все понижают, что навару никакого отрасль пока не сулит, иначе овцеводов было бы – пруд пруди, как торговцев, юристов и таксистов. Алла Ивановна Сидорчук, курирующая от администрации Славногорский район, при последних словах выступающего украдкой стирает с лица улыбку: в глубине души она всегда подозревала, что овцы – это есть не что иное, как бараны, а тут –

новые ворота. Поневоле засмеешься. Но, конечно, серьезность момента не позволяла: речь ведь о продовольственной безопасности.

Сельское хозяйство, особенно если оно дает более или менее ощутимые средства к существованию – дело притягательное. Недаром же даже и закоренелые горожане, тяжело ушибленные относительным комфортом и сутолокой, по весне тянутся, прежде грачей, на свою ниву, то есть на дачные участки, где не разгибая спины возделывают редиску, кабачки и капусту.

Начало сельскохозяйственного года – это, конечно, никак не январь – это апрель, когда освободившиеся от снега еще полуобморочные поля начинают дышать, по мере оттаивания почвы, промерзшей даже под снегом. Ручьи размывают лед на Заломной – большой и быстрой реке, крупнейшей во всей округе – у берегов и ее зимний панцирь понемногу оттаивает, подтачиваемый еще солнечными лучами. Пробуждение реки – это замечательное событие для всей округи, всех ее жителей, включая, наверное, и грудных младенцев, которые чувствуют, что происходит что-то веселенькое. То есть должны чувствовать, потому что иначе нельзя. Повизгивают и прыгают на цепи собаки, сочувственным мычанием отзываются на грохот ломающихся льдин коровы, возбужденно кудахчут куры. Заломная крушила лед в начале мая, когда уже всюду шли полевые работы и по вспаханной земле, натужно пыхтя, ползли, как разноцветные жуки, тракторы с культиваторами и боронами, заканчивая предпосевную подготовку. В полдень разогретая пашня парила, воздух над ней дрожал и переливался оттенками дальнего леса. Процесс обработки почвы любило физической, а если уж совсем точно – гастрономической любовью пернатое население окрестностей. Вороны, сороки, галки двигались вслед за агрегатами и сноровисто выхватывали из взметенной и распушенной земли жуков, червяков, и прочих букашек.

– Карр, карр! – орали вороны, кружась над кормным местом и то ли призывая сородичей отобедать вместе, то ли объявляя, что место уже занято и соваться сюда никому не следует. Но уже пасущуюся на пашне птичью мелочь они не прогоняли. Случалось, камнем падал неизвестно откуда взявшийся кобчик и схватывал зазевавшуюся мышь. И хотя полеводы работали лишь в известной мере на себя, а главным образом, на дядю, то есть фермера (кроме кооператоров), настроение у них было в эти дни приподнятое. В унисон с рокотом тракторов раздавался то усиливающийся, то затихающий гром ломаемых рекой ледяных полей. Хотя некоторые из них оказывались в первом подходе неподъемными для нее. И то сказать, за зиму нарастали они в толщину до метра, в иных местах и больше, где река промерзала до дна. Легкий и «гнуткий» в начале зимы лед с наступлением морозов крепчал на потеху местным хоккеистам, которые могли часами гонять шайбу, если не были слишком ушиблены компьютером. Подтаяв с приходом весны и у берегов, такие плиты рушились, наползая друг на друга, с жутким грохотом, громоздясь на мелях и приводя в неистовство поднышающую реку. Она разбрасывала по берегам мелкие, расколотые льдины, выдавливая на берега и большие, но самые громоздкие ледяные поля подавались под ее напором неохотно, с трудом проталкиваемые вниз на перекатах и там, где русло сужалось. Понятно, что все это вместе захватывало дух настоящего селянина.

Ребятня, побросав компьютеры – виданное ли дело! – собиралась на берегу и восторженно встречала каждое новое антраша Заломной, освобождающейся от зимних оков.

– Санька, Колька, не подходите близко! – кричали самым азартным мамаша, напрасно стараясь пробиться своими слабыми голосами сквозь невообразимый шум ледохода. Для подкрепления слов они невразумительно махали руками.

Ничего не слышащие Санька и Колька ответно махали руками, дескать, все в порядке и лезли еще ближе к реке.

– Ну я вам сейчас! – теряла терпение какая-нибудь из родительниц и направлялась к месту событий. И тоже застревала там на какое-то время, загнипнотизированная зрелищем. Однако ледоход случался только раз в году, и то бывал скоротечным. Правда, потом уже река

надолго оставалась открытой и в течение лета народ на ней не переводился. Куда меньше его бывало на полях и лугах, лишь по старой привычке – люди в годах. Старые хлебопашцы до последнего времени и составляли основную ударную силу на полевых работах. Улитин, когда начиналось фермерство, жил в Боровом, в 40 километрах от райцентра, где был богатый колхоз, но работал в школе, преподавая биологию. Платили за биологию мало – как и за географию, алгебру и прочие анатомии, а вскорости и вообще почти перестали платить и он написал соответствующее заявление на выделение земли для ведения фермерского хозяйства. Земельный комитет обязал правление колхоза выделить искомую землю и малое время спустя Улитина пригласили на заседание этого самого правления. Вопрос, чувствовалось, вызывал раздражение у крепких хозяйственников, которые почти все были с трудовыми медалями, особенно те, которые громко умели кричать на неповоротливых колхозников, а то и вывесить их на доску позора. Конечно, им хотелось просто-напросто послать его куда подальше, но государственная линия не позволяла, а даже обязывала удовлетворять запросы стремящихся в фермеры. Председатель помалкивал: согласно распределенным ролям, отлуп соискателю должны были дать бригадиры. И дали.

– Наши отцы и деды корчевали, распахивали, окультуривали эту землю и вдруг мы кому-то ее отдаем, неизвестно еще, радивому ли хозяину – сказал наиболее заслуженный бригадир.

– Если так пойдет, то мы можем оказаться без земли в колхозе – тому сто гектаров, другому двести, еще кому-то сколько-то, а кто же будет страну кормить? Фермеры-то пока развернутся! – патриотично поддержал его второй по заслугам бригадир.

– На эту панику глядя, и колхозники начнут просить свою долю и разбежится весь колхоз и много народу не при делах останется – поддакнул третий бригадир. Четвертый и пятый высказались не менее сурово.

– Вот так, Петр Ильич – как видите, народ против – лицемерно посокрушался председатель. Против народа – никак.

– Страна может гордиться – неизвестно почему сказал Улитин и вышел. В конце концов ему выделили участок из земель районного фонда за 45 километров от Борового, среди поросших мелким кустарником лесных полей.

– Главное тут – приложить руки – зевая, напутствовал работник земельного комитета.

– А как же, обязательно и даже всенепременно – заверил Улитин и, прикинув так и сяк, от идеи заняться хлебопашеством отказался. Печаль его была недолгой. Вскоре колхоз развалился, технику разобрали члены хозяйства, скотину тоже, шифер и доски с ферм пошли на хозяйству жителей, поля в основном заросли бурьяном или, именуемым здесь «дурниной». Бригадиры остались не при делах. Теперь-то Улитину отдали бы в пользование и половину колхозных полей, да ему было уже не нужно. Пока длилась земельная канитель, потребовавшая много времени, учитель биологии, собрав с женою все имевшиеся средства, подзаяв у родни и взяв ссуду, открыл в Боровом магазинчик. Дела пошли на удивление хорошо, несмотря на то, что зарплату бюджетникам все еще подолгу задерживали, а иных тружеников в Боровом после исчезновения колхоза и не было. Года через два Улитин купил дом в центре Славногогорска и переоборудовал его под вместительный магазин. А вскоре переехал туда и сам вместе с семьей. Проданный в Боровом дал средства на покупку пилорамы и небольшого стада овец – все-таки от своих первоначальных сельскохозяйственных замыслов насовсем отказываться он не торопился. Коркин со временем приумножил стадо. Все шло как следует, и было бы совсем хорошо, если бы у родившегося сына не обнаружился ДЦП. Это заставило жену уйти с работы и целиком заняться домом и детьми. Ладно, хоть в средствах нужды не было. Правда, порой выводили Улитина из себя бесконечные просьбы о спонсорской помощи: по любому поводу к нему обращались за жертвованиями на очередное благое дело, особенно с тех пор, как Петр Ильич был избран депутатом районной думы, а малое время спустя стал и заместителем ее председателя.

– Петр Ильич! – значительно добавлял в голос металла очередной организатор мероприятия, – послезавтра у нас намечается встреча выпускников Боровской школы 1965 года.

– Как я рад! – восклицал Петр Ильич, чертыхаясь про себя.

– Мы приглашаем вас, а также рассчитываем на материальную поддержку форума. Тысяч пять, или можно – продуктами, напитками на эту же сумму.

«Ага, щас!» – думал про себя Улитин и отсылал на торжество тысячу рублей. Впрочем, те же вымогательства терпели и другие хозяева торговых и иных заведений сферы обслуживания, равно, как и владельцы пилорам; с бюджетников, понятное дело, взять было нечего, а никакого иного производства, кроме древесного, в Славногорске не имелось. Зато уж этого к последнему времени стало куда как много: все, кто мог легально заготавливать лес, торопились снести его к чертовой матери, пока еще было, что сносить. И этот вид промышленности процветал и создавал Славногорску некий статус города с достаточно развитой производственной структурой. Но если сюда с полным основанием входили хлебопекарные предприятия, то занятия с древесиной, строго говоря, производством назвать было нельзя, особенно, когда почти прекратилось лесовосстановление. Древесину производила, как и естественные травы и кустарники, земля, лесопромышленники только вырубали сосну и лиственницу, брезгуя лиственными породами. Нередко в таком виде, только обрубив сучья и распилив на бревна определенной длины, «произведенную» древесину и продавали. Несколько извиняло нескромный термин изготовление из бревен пиломатериалов, и то не потому, что заготовители радели о рациональном использовании дерева, но оттого лишь, что распиленное можно было продать намного дороже.

– Ну что же мы на продажу-то круглый лес все гоним? – сокрушались на районных совещаниях мэр и иные ответственные лица. – Нужна же переработка! – И, подумав, добавляли: сердце болит!

Но лесозаготовителям и без особой переработки в целом жилось неплохо, особенно, если покупатель платил тут же. К чести Петра Ильича Улитина надо сказать, что он с самого начала организовал на своей пилораме переработку. Иначе получилось бы некрасиво: как депутат думы, он неоднократно принимал участие в проверках лесозаготовительных организаций на предмет законности заготовки и глубины переработки многострадальной славногорской древесины, которая в отдельных лесных кварталах измельчала до категории жердевика. Стоит сказать, что несмотря на лишения и невзгоды, которые испытывали полуполигальные и вовсе нелегальные лесопереработчики в результате таких проверок, платя штрафы и терпя всяческие другие убытки, площадь лесов неуклонно сокращалась. Запуганы были в первую очередь наемные работники, гастарбайтеры из ближнего и дальнего зарубежья, которые тем не менее до последнего держались за найденное злачное место, хотя барыш их был невелик. Как-то во время такой проверки один из них кинулся бежать. Понятное дело, в составе комиссии были и полицейские и, застоявшиеся, они незамедлительно бросились в погоню. Конечно, истомленный десятичасовым рабочим днем беглец не мог состязаться со свежими стражами порядка и скоро татя повязали, предварительно до смерти напугав криками: «Стой!» и «Стоять!». Но благодарностей свыше никто не дождался: документы у задержанного оказались в полном порядке.

– А чего убежал?

Он лишь пожал плечами. То есть народ все какой-то неудачный, еще более никчемный, чем свой собственный. Но корячился на пилорамах, создавая материальные блага для их хозяев. И то ладно.

Никто не помышлял создавать фермы или распахивать залежавшуюся землю. Так или иначе, и Петр Ильич счастливо избежал полномасштабного втягивания в сельскохозяйственное производство, за что не раз мысленно благодарил заслуженных колхозных бригадиров,

отказавших ему в выделении земли. И пока что все складывалось более или менее благополучно. К тому довеском явилось вдруг из прошлого века многообещающее письмо.

Но что же означает этот улей, под глазом у которого запрятано сокровище? Думай, Петя, думай.

Ольга Кузьминична Полозкова, урожденная Улитина, была внучкой Кузьмы Францевича, самой младшей, которую он даже и не увидел. Ее отец, сын Кузьмы Францевича, также наречен был Кузьмою. Родилась она вдалеке от мест, где прожило много поколений Улитиных – семейство Кузьмы Францевича было выслано, хотя, казалось бы, дальше тех мест, где они жили, высылать было особенно некуда. Ан, нашли. Почем фунт лиха, все младшие Улитины усвоили вполне. Это не помешало Полозковой прожить 80 лет в здравом уме и при полной памяти. Супруг ее Полозков, всю жизнь строивший деревянные дома а к старости, утомившись ворочать лиственничные и сосновые бревна, занявшийся исключительно столярными работами, был на три года младше, но покинул ее в марте этого года. Собрались родственники, приехал из Германии сын, который звал ее теперь к себе – в неметчине была у него семья и хорошая работа. Но она отказалась и он пока не настаивал: среди родни хорошо был известен нрав Ольги Кузьминичны: если она сказала «нет», значит – нет. С годами ее характер нисколько не помягчел. Но не только сыновнее внимание привлекла в этот момент. Ольга Кузьминична. Малое время спустя после скорбного события к ней заглянул в гости внучатый племянник Евгений, которого она едва помнила ввиду чрезвычайной немногочисленности встреч.

– Бабушка, ты сегодня хорошо выглядишь! – с небывалой радостью сообщил он. – Просто замечательно!. А что, навевывается соцслужба? Принимает участие?

– Навевывается, принимает, – отвечала сбита поначалу с толку бурным проявлением родственных чувств Ольга Кузьминична.

– И как, отдельные недостатки-то все равно ведь есть? – любопытствовал дальше гость.

– Есть, есть и отдельные недостатки – призналась Ольга Кузьминична, легко и привычно переходя на канцелярский сленг – недаром же много лет она проработала главным бухгалтером текстильной фабрики.– Но у кого их нет?

– Тут, я вижу, некоторый ремонт требуется, хотя и мелкий – оценивающе осматривая трехкомнатную квартиру заслуженного бухгалтера, промолвил внучатый племянник, меж тем, как хозяйка комнат угощала его чаем с печеньем.

– Как семья-то, как дети? – в свою очередь поинтересовалась Ольга Кузьминична.

– Да все нормально, нормально. Учатся, женятся. Им что – родители имеются – никаких проблем. А вот с жилплощадью трудновато – доверительно сообщил внучатый племянник. Может, мой младший с женой поживет у вас? Площадь у вас очень позволяет. А мы бы тем временем ремонт какой-никакой сделали, то да се. Опять же и пригляд вам постоянный.

Уж на что искушенной была в разных хитростях главный бухгалтер текстильной фабрики, однако и она не сразу раскусила истоки родственной заботы гостя. Надо же!

– Смешно дураку, что рот на боку, – глядя в пространство, негромко заметила Ольга Кузьминична и рассеянно погладила заварник, стоявший рядом на столе.

– А? – поразился гость. – Что вы сказали?

– В глубокой теснине Дарьяла. – меланхолично отвечала Ольга Кузьминична и, взяв заварник себе на левую руку, правой начала легонько похлопывать его по фарфоровому боку. – Где роется Терек во мгле...

– Э-э. Да, да, хорошие стихи – нашелся гость и лицемерно улыбнулся самой сердечной улыбкой, на которую был способен.

– О чем это ты? – подозрительно спросила Ольга Кузьминична, с недоумением посмотрев на заварник в своих руках и сердито толкнув его на край стола.

– Э-э. К слову пришлось, извиняющимся тоном произнес внучатый племянник.

– Да. Вот я и говорю – квартира завещана сыну моего супруга от первой жены, но как ни зову его с семьей пожить у меня, что-то они никак не соглашаются. Что поделаешь – нынче все хотят самостоятельности. Да ты пей чай – в кои-то веки в гости зашел. Водочки, жалко, нету – не держу. Веспасиан.

– А, да, да. Спасибо, очень хороший чай – заверил родственник. – Ну так я пойду. Загляну еще как-нибудь в следующий раз.

– Заглядывай, заглядывай, как же! Чай и правда у меня хороший.

Ольга Кузьминична в молодости достаточно много играла в любительском театре и сыграть роль для нее и сейчас не составляло труда.

Довольно скоро после этого ее навестила внучатая племянница – теперь уже из большого села Борового. Ей необходимо было пристроить на период семестров дочь Виолетту, которая поступила в институт и сына Вадима, который был на год старше сестры и также должен был учиться на первом курсе, другого института. Там в прошлом году он взял академический отпуск, необходимый ему, дабы отдохнуть и собраться с мыслями. Нечего и говорить, что разнополым детям Нонны Романовны – так звали внучатую племянницу, – требовались отдельные комнаты. Гостья выразила готовность, если это необходимо, тут же предъявить Ольге Кузьминичне будущих квартирантов – «они вон внизу на лавочке». Излишне также говорить, что Нонна Романовна весьма надеялась, что это счастливое совместное проживание не ограничится только лишь временем обучения ее детей на первом курсе. Относительно перспектив более отдаленного времени хозяйка была вынуждена разочаровать родственницу, сообщив, что квартира завещана. Нонна Романовна смутилась лишь на мгновение, но тут же высказала идею, что завещание можно ведь и переписать, да и о слишком дальних планах речи не идет – пока бы детям обустроиться у Ольги Кузьминичны на весь период обучения в институтах и на первые поры после окончания таковых, пока они, дети, обретут надежную работу и крепко встанут на ноги. Ну и, разумеется, всемерно будут помогать престарелой родственнице вести хозяйство. Этому последнему предложению Ольга Кузьминична несказанно обрадовалась.

– О, очень кстати! – воскликнула старушка. – Я, видите ли, нуждаюсь в постоянном уходе. К сожалению, все, кого я нанимала – избалованные особи, которые считают для себя зазорным искупать старика, постирать ему белье – да мало ли что. За полгода сменилось четыре человека – уборщица местного рынка, две студентки и один аспирант. Так что на вас я особенно рассчитываю – все-таки родственники. Не бросят! Потерпят годков десять, а больше я вряд ли протяну. По мере течения этой речи Ольга Кузьминична все повышала от волнения голос, так что через открытое окно все это было прекрасно слышно внизу на скамейке. В продолжение всей речи глаза у потенциальных квартирантов делались все более круглыми, при этом молодой человек побледнел, а юная дама покраснела.

– Ни фиги себе! – в приливе законного негодования воскликнула девушка.

– Да пошла она ... – в тон ей отозвался брат и через минуту Нонна Романовна боковым зрением заметила, что детей на скамейке уже нет.

– А где же ребята? – спросила хозяйка, уловившая этот боковой взгляд.

– И в самом деле, где же они? Вот непоседы – должно быть, пошли мороженое покупать. За ними глаз да глаз. Но мы ведь ненадолго прощаемся? – и с этой попыткой сделать хорошую мину при плохой игре, родственница из Борового поспешила за своими непоседливыми детьми.

Нечего и говорить, что когда к Ольге Кузьминичне прибыл с визитом Петр Ильич, прием оказался более чем неласковым. В предобеденный час в дверь к ней постучали. Глянув в глазок, Полозкова увидела крупного представительного мужчину средних лет. Обличье его показалось ей несколько знакомым но только и всего. Открывать она не спешила. Он постучал еще раз. Сверху по лестнице кто-то спускался. Ольга Кузьминична узнала голоса соседок с третьего этажа.

– Она плоховато слышит – говорила самая словоохотливая соседка. А так-то должна быть дома. А вы из какой организации?

– Нет, я племянник, внучатый. Попроведать.

– Так лучше под окном кликнуть: окно открытое – солнечная сторона, жара несусветная. Жара и впрямь была среднеазиатская: размяк асфальт, одуревшие воробьи, как свиньи, валялись в редких сохранившихся от дождей лужах. Два молодых человека в тени дома пили пиво.

Окно и в самом деле оказалось открытым и как только раздалось: «Ольга Кузьминична!» из него выплеснут был целый таз холодной воды и прямо на Петра Ильича, который замешкался и не успел отскочить.

– Ну вот, что я говорила – удовлетворенно заметила говорливая соседка – Ольга Кузьминична-таки дома!

– Это я, ваш внучатый племянник Петр, сын Ильи! – заорал Улитин, не привыкший к такому обхождению, стяхивая с одежды брызги.

– Квартира уже завещана и пересмотра не будет! – гневно заявила его почтенная родственница, высовываясь из окна.

– При чем тут квартира? – удивился сын Ильи. – Я вообще хотел про прадеда, вашего деда, узнать – Кузьму Францевича. Квартирами я не интересуюсь.

Соседки с живым интересом наблюдали эту родственную разборку и решив, что с них довольно, Ольга Кузьминична пригласила, наконец, гостя домой.

– С чего вдруг у тебя взялся интерес к Кузьме Францевичу? – строго спросила она, наливая чай ему и себе.

Петр Ильич извлек из портфеля две изукрашенные жестяные банки – с чаем и кофе, взятые, чтобы не ошибиться в предпочтениях бабки и выставил на стол.

– Интерес – то был давно, да времена были неподходящие. Сейчас и белых, и красных уравнили, можно говорить и писать о любом человеке. Кузьма Францевич заслуживает того, чтобы о нем побольше знали.

– Маленькая была, когда нас выслали со своего места. Больше знаю о нем по рассказам матери – и Ольга Кузьминична начала вспоминать то небольшое, что еще не забылось за многие десятки лет. Улитин-потомок слушал, не перебивая и прихлебывая чай. И лишь спустя время выбрал момент спросить: а еще вроде ваш дед был пчеловодом?

– Пчеловодом? – рассказчица задумалась.

– Там в чьих-то воспоминаниях было, что он имел ульи – поспешил прийти на помощь Петр Ильич.

– Ульи. Ульи. Это, наверное, зимовейки, которых у него было три в тайге. Как-то мужики добывали орехи, налетела буря – деревья падали, потом дождь лил двое суток – все, кто был на промысле, сидели в дедовой избушке «как пчелы в улье набились». Отсюда и пошло. Да. А пчеловодом он не был. И брат его Федор – тоже. А вот в тайге они промышляли. Да потерялся где-то Федор без вести. Будто раненого его увезли куда-то подальше от этих мест, а назад он так и не вернулся. Может, не смогли выходить. А потом и отцадеда, тоже раненого, переправили за границу, и он тоже не вернулся больше. Ольга Кузьминична всплакнула, и внучатый ее племянник тоже почувствовал на короткое время, как затуманивается его взор. Досталось Улитиным и он, их потомок, тем более имеет право на то, что завещал брату Кузьма Францевич. На мгновение мелькнула мысль поделиться потом и с Ольгой Кузьминичной, но это решение он тоже оставил на «потом».

Послушав еще кое-что о генеалогическом древе Улитиных, Петр Ильич откланялся, оставив у своей родственницы самое благоприятное впечатление о себе и получив бессрочный ангажемент на ее посещение. Теперь кое-что прояснилось, улей – зимовье в лесу, глаз, надо

полагать – окно. Клад должен был забрать Федор, но он исчез. Или наведалься все-таки за сокровищем? Но ведь записка-то до него не дошла? Вопросы, вопросы...

Никита Бехтерев с молодых ногтей пристрастился к охоте и рыбалке – охотником был его отец. Правда, и добыча прежде была совсем другая, и платили за нее как следует. Отец давно уж на пенсии, а Никита, до последнего, как и он, работавший в охотхозяйстве, остался при своем интересе, когда хозяйство это приказало долго жить. Никита продолжал охотиться, но времена теперь были уж не те – соболю тянул примерно на пол-ящика водки – в лучшие времена его можно было приравнять к трем ящикам, и при этом без конца просители клянчили продать хоть одну шкурку.

– Никита, ну оставь одного соболя для меня – клянчил кто-нибудь из знакомых – что тебе стоит? Расплатимся, не сходя с места. Друг ты или не друг? Жена проходу не дает!

– Оставлю – обещал Бехтерев, если очередь за шкурками к этому моменту скапливалась небольшая. Если большая – не обещал, говоря: «там видно будет». При таком ответе, чувствуя тайные происки охотника, просители пробовали добиться желаемого через его супругу, рассчитывая на ее мягкосердечность. Конечно, это не всегда помогало, потому что заставить мужа мотаться по тайге круглые сутки Наталья не могла. Сейчас мехов в продаже хоть завались, на всякий вкус и кошелек. Откуда вся эта напасть? Белка нынче за пушнину не считается – за шкурку едва ли выручишь эквивалент одной бутылки. Не то чтобы Никита Иванович был большим любителем горячительных напитков, просчитывая прежние и теперешние цены в водочном исчислении – просто другой более определенной единицы измерения не было, разве что хлеб или сахар. Нынче охотник не фаворе. Конечно, постоянно были дома мясо и рыба и семья в составе его половины Натальи и дочек Юльки и Дашки на скудном пайке не сидела. Но этого же мало – жену и детишек надо было одевать. Правда, Наталья работала воспитателем в детском саду Березовки, только зарплата – на два ящика средней водки. Или, если угодно – на триста буханок хлеба или на унты младшей дочери, на больший размер уже не хватало. Наталья еще участвовала в народном крестьянском ансамбле работников детсада, играя на пиле, но за это ничего не платили. Наградой были лишь аплодисменты во время концертов, в которых неизменно принимал участие ансамбль со своими деревянными ложками, трещотками и пилой. Для повышения уровня жизни семейства, а также, чтобы не прослыть тунеядцем, хотя такого понятия в демократическом обществе и не существовало, Никита устроился трактористом в кооператив, оставшийся после бесчисленных реорганизаций колхоза. Весной он культивировал и боронил почву, летом пахал пары, когда была солярка, а после уборки урожая – зябь. Зимой никакой работы в кооперативе не было. Надо сказать, однако, что этого полугодового заработка вполне хватало, например, чтобы заменить на его старой «Ниве» коробку передач. А коробка ведь на дороге не валяется. Зимой, понятно, он промышлял в тайге, иной раз довольствуясь даже тем, что ловил петлями зайцев. Чтобы добыть что-то стоящее, приходилось побегать. Тем не менее уже второй год Наталья ходила в роскошной норковой шубе, которая обошлась семейному бюджету в 700 рублей на капкан (а с учетом его износа – и того меньше), да полторы тысячи было отдано за шитье.

– Натаха, не жалко такую кучу денег на спине таскать? – завидовали детсадовские воспитательницы. – Полжигуля можно купить!

– Это в магазине дорогое удовольствие, а попробуй шкурку продать – на колготки не хватит! – отвечала Наталья и не кривила душой. Но что верно, то верно: магазинская цена этой шубы превысила бы натальину двухгодовую зарплату, Жаль, что выйти-то в ней особенно было некуда.

Глава семьи обещал со временем преподнести такие же презенты и дочерям, но большой уверенности в этом у Никиты Ивановича уже не было: слишком редким стал пушной зверь, хотя, казалось бы, никто за ним и не охотился. Из старых охотников в Березовке да и во всей

округе, пожалуй, остался он один. За специалиста его почитали, однако, не все. Как-то, когда детишки уже подросли и выбиралось зимними вечерами свободное время, он написал трактат о рыбах и рыбалке в регионе и отправил труд в областное книжное издательство – тогда еще издательств было немного – по одному на область да десятка три в Москве. Следует сказать, прочитали эту работу и ответили довольно скоро. Но ответ был неутешительным: в нем сообщалось, что хоть вещь и интересная но, во-первых, для ее опубликования нужно, чтобы автор был кандидатом или доктором наук, на худой конец – хотя бы аспирантом, а во-вторых, о рыбах и рыбалке написано уже столько, что больше написано только про несчастную любовь.

«Да и хрен с вами» – резонно заключил Никита и на подобных делах поставил крест. Но не на самой рыбалке и охоте. Таково было течение жизни. Надо сказать, что имелись у него еще и другие негласные обязанности, перешедшие от старого лесника Кулаева, удалившегося уже более десятка лет на покой – сопровождать высоких гостей, изволивших приехать в Славногорский район поохотиться. Прежде всего в его задачу входило обеспечить им удачную охоту – или рыбалку, смотря по сезону и предпочтениям гостей. Хотя сезонов для них не существовало – сезоны они устанавливали самолично, как только возникала непреодолимая потребность в сафари.

– Иваныч! – звонил обычно кто-то из замов или помов главы районной администрации, – в пятницу ожидается прибытие очень крупных и уважаемых гостей. Их будет 4—5 человек. Едут поохотиться. Так ты уж прикинь, что надо по сезону, куда и как. Уж расстарайся. А что будет нужно – мы обеспечим.

– У меня вообще-то свои планы на пятницу – принимался было объяснять положение Никита Иванович, да их разве проймешь: все уже без него решено.

– Иваныч, ну отставь временно свои дела, не каждый же день к нам такие люди заезжают. Надо уважить. Родина нас не забудет!

Никиту Ивановича такие охоты напрягали гораздо: во-первых, никак нельзя было ударить лицом в грязь, и оставить ответственных работников без серьезной добычи, раз уж он старый таежник (хотя и таким не все время сопутствует удача), а во-вторых – как бы не вышло какого-нибудь ЧП. И очень просто: однажды на шорох заезжий хантер выпалил жаканом и снес рюкзак со спины другого такого же любителя пострелять. Особенно не нравилось ему, когда в случае успешной (а равно – и неуспешной) охоты прибывшие подводили итоги тут же в лесу, начинали жарить-парить, доставали водку, коньяк, виски, выпивали, горланили песни, а то устраивали пляски, как матросы, выброшенные на необитаемый остров, который каждые двенадцать часов насовсем заливал прилив. Приходили на ум рассказы о том, как один из прежних губернаторов с особо приближенными вылетел на такую охоту на вертолете. По какой-то причине не был взят ни один из аборигенов, знатоков отдаленных таежных урочищ, а взят был в качестве проводника межрайонный охотовед. Поскольку никому, в том числе и местным, губернатор не доверял так, как доверял своей замечательной интуиции, а она не велела привлекать к таким делам лишних глаз. Вылетели они из облцентра рано утром и уже через полтора часа зависли над территорией намечаемой охоты, где никто из них еще и не бывал. Площадка для приземления нашлась быстро – ярко-зеленая ровная и обширная поляна, с трех сторон окруженная мелколесьем а с четвертой – мощной стеной сосняка.

– Тут! – указал губернатор, ткнув пальцем в поляну. Пилот высказал было какие-то сомнения насчет безоглядной посадки, но губернатор, всецело полагающийся на свою интуицию, которая безошибочно работала в различных административных коридорах. Стали садиться и очень мягко, едва заметно коснулись поверхности. Но, несмотря на то, что поверхности коснулись, садиться все же продолжали. И малое время спустя раздался довольно слышимый шлепок и легкий удар по брюху воздушного судна, а зеленое поле поднялось почти до иллюминаторов. Пилот грязно выругался и срочно пошел на взлет, но было уже поздно: болото крепко присосалось к отвисшему брюху вертолета.

– Прр-рава держи! – закричал помощник губернатора по юридическим вопросам, очнувшись от дремы.

– Давай назад! Задний ход! – закричал, в свою очередь, советник по имущественным отношениям.

– Да пошли вы все... – сквозь зубы опять матерно выдохнул пилот, а губернатор с горечью подумал: «Даже в таком пустяковом деле все приходится делать самому!» – но делать ничего не стал.

Посадка продолжалась против желания всего собрания, но уже недолго: через несколько минут машина прочно встала на твердый грунт – дальше болотная жижа еще не успела оттаять после зимы. Конечно, о том, чтобы начинать охоту при таких обстоятельствах, не могло быть и речи. Эвакуировали участников несчастного борта довольно скоро, а сам борт надолго задержался на месте приземления. Ни под каким видом о субботнем вылете губернатора по рабочим вопросам в глубинку никому было не велено рассказывать, особенно журналистам, но эти паразиты тем не менее как-то прознали о конфузе и устроили настоящую охоту на несчастный вертолет.

– Здравствуйте! – жизнерадостно приветствовали они по телефону первых лиц районной администрации или начальника полиции – мы относительно истории с охотничьим вертолетом. Хотелось бы на месте уточнить кое-какие детали, ну и увидеть сам вертолет. Он ведь еще на месте, то есть в болоте?

– Вертолет? Охотничий? – на славногорском конце провода выдерживали изумленную паузу, затем вежливо отвечали: – Нет, пока о подобных происшествиях мы не слышали. Но мы сейчас же все выясним и позвоним вам. Куда и кому звонить?

Понятное дело, никто из ответственных славногорцев звонить никуда не собирался, но, несмотря на принятую ими фигуру умолчания, газетчики все равно все разнюхали и уж тут развернулись! Они, конечно, были далеко не местные, подлецы, и вели себя на страницах печати и в эфире, прямо сказать, развязно и крайне непочтительно. Вся охота была преподнесена ими в дурацком свете и во всех отчетах писак красовалась эта картинка – с увязшим по уши вертолетом, как если бы он ехал по проселочной дороге после дождя и угодил в особо глубокую лужу. В одной из газет даже появилась подпись к снимку «Пьяный вертолет», хотя никто из охотников не пил ни грамма, не говоря уже о летном составе.

В районной славногорской газете новость стала известна, конечно, сразу же, и на планерке речь немедленно зашла о ней.

– Такая жаренуха! – воскликнул молодой и горячий замредактора, – может, нам дать? Народ-то ждет развернутого сообщения. Это ж не на Аляске где-то, это у нас!

– Можно и дать, конечно, – согласился редактор. – Но только этот наш номер будет предпоследним. А потом мы попрощаемся с читателями и поблагодарим их за все, за все. И объясним, что ввиду непреодолимых финансовых обстоятельств газета закрывается. У тебя есть еще какая-то профессия? У меня – нету. – И редактор печально покачал головой.

Так обстояли дела с освещением неудавшегося вылета обл администрации на природу в центральных и местных средствах массовой информации. Хорошо, что в том году рубль уверенно пошел вверх и область неплохо выглядела по производству строительных материалов, а своевременные дожди дали высокий урожай – губернатор отделался ничем. Тем более, что никто из десанта не получил ни царапины. Так счастливо закончилась эта несчастливая, казалось бы, история. Было о чем вспомнить потом у охотничьего костра! А бесталанный межрайонный охотовед малое время погода был уволен. Никита Иванович Бехтерев никаких особых постов не занимал, вследствие чего его уволить было крайне трудно, но зачем ему лишние печали? И хотя кроме случая с рюкзаком при нем никаких серьезных накладок не случилось, после наезда стрелков он чувствовал себя как после непродолжительного, но жесткого гриппа. Таково было житье главы семейства Бехтеревых. И хотя Никите с Натальей помогали с пенсии

еще ее родители, Никита чувствовал, что потребности семьи удовлетворяются, увы, не полностью. В этот момент и обратился к нему адвокат Кочубеев.

– Нам бы поговорить с глазу на глаз, Никита Иванович.

– За чем дело стало – Никита пригласил нежданного гостя в летнюю кухню. Из портфеля, в котором обычно томились казуистические юридические бумаги, на этот раз была извлечена бутылка коньяка, батон хлеба и упаковка нарезки окорока.

– Я знаю о вас, как о знатоке здешних мест и классном охотнике – но против этого не возражаете? – он кивнул на бутылку. – Разговор конфиденциальный и очень серьезный.

– Все, все путем – косноязычно сказал Никита и достал из стенового шкафчика пару рюмок.

– Дело еще раз повторю, очень серьезное – и Кочубеев наполнил их, протянув одну хозяйину. Беседа продолжалась довольно долго.

– Так, значит, всего-то делов – отыскать этот улей через... – Никита прикинул в уме – через девяносто с лишком лет после того, как хозяин его покинул.

– Да, вот это и надо узнать гость налил по заключительной и выжидающе посмотрел на Никиту.

– Осталось ли там что-нибудь от зимовья, и от того, что было припрятано? Уж слишком много времени прошло. Кладу-то, если он есть, ничего, может, и не сделалось, а избушка давно, наверное, сгнила.

– Но вот же дома стоят по сто лет и более. Тоже деревянные. И ничего. У нас тут еще холод, почти вечная мерзлота, восемь месяцев в году – зима. Когда гнить-то? А ведь Улитин строил, уж не изволь сомневаться, на века.

Никита пожал плечами:

– Да ведь откуда нам знать?

– Чутье мне говорит, что так – отвечал убежденно визитер. Хотя внутренний голос ничего ему и не говори л. – Ну так как?

– Дело неверное – отвечал тот. – Но я согласен. Однако же каков мой гонорар?

– Десять процентов от всего найденного.

– Н-да, десять. Это может быть и очень много и шибко мало – смотря по тому, что там наберется.

– Ну, если наберется, то и тебе наберется, а не наберется, так для всех облом.

– Это прекрасное далеко. А что я буду иметь до окончания дела? Времени и здоровья придется не жалеть – если склад все еще там, надо срочно копытить. Неровен час...

– О том и речь. Но, надо надеяться, дело не затянется и заказчику не придется содержать тебя до самой пенсии. Сколько тебе нужно в месяц?

– Абзар хуже д... Честно – я имею в месяц тыщ 20. Не больше, но и не меньше я бы хотел иметь денежное удовольствие и во время этой работы. Само собой, растягивать исследования не стану. Бегать я еще – тьфу-тьфу – могу. Буду перестраиваться и ускоряться. Но моя зарплата, сам понимаешь, это еще не все – надо будет прикупить какое-то снаряжение, металлоискатель например – без него в этом деле ничего не выйдет. И неизвестно, что может потребоваться еще по ходу. Но самолет я требовать не стану.

– Да, само собой. Задержки с деньгами не будет. Ну и опять же само собой – обо всем никому ни слова, даже и особенно – жене. Ты охотник, рыбак, никто не удивится, что ты нарезаешь круги по лесу. При случае неси на виду утку там, рыбешку. Можем тебе прикупить горбушу в магазине – издали в полиэтиленке сойдет за ленка – пошутил в первый раз за время всего разговора гость.

– Подстрахуюсь, не извольте сумлеваться – заверил хозяин и, открыв вновь дверцу шкафа, достал бутылку водки.

– О, что ты, что ты! – запротестовал было Кочубеев. – У меня еще дела.

– Чтобы не были как сажа бела. А ответную я должен поставить, ты же знаешь порядок. А также за близкое знакомство, да и за успех нынешнего предприятия. Так что видишь – деваться нам просто некуда, придется заняться изливанием и осушением.

– Надо будет завтра повидаться с нашим заказчиком – да ты его знаешь, – немного заплетаясь языком предупредил Кочубеев.

– Со всем нашим удовольствием – отозвался Никита и на этом они расстались, весьма довольные друг другом.

Петр Ильич Улитин с нетерпением ждал результатов переговоров племянника с таежником Никитой Бехтеревым. Сомнения одолевали его: не пустышкой ли окажется на деле этот Никита, умеет ли держать язык за зубами, не слишком ли высокую заломит цену и, наконец, не вздумает ли в конце концов кинуть его, Улитина? Вопросы, вопросы. Плохо, что он не особенно знал Бехтерева: ну да, приходилось встречаться раза два мимоходом – никакого интереса в то время у них друг к другу не имелось, а потому и никакого общения не было – едва ли даже перекинулись парой слов, скорее всего, о стократно изруганной погоде. Между тем забот у него сейчас было по горло: надо было постоянно контролировать ход дел на пилораме, в магазине, хоть изредка навещать на отару, тем более сейчас шел окот и обьягнилось уже больше половины овцематок. Конечно, на всех этих ответственных участках работали уже проверенные люди, но особенно доверять кому бы то ни было Петр Ильич не имел привычки. К тому же ушел на больничный председатель думы и прибавилось служебных забот, И кроме прочего, нет, конечно, на первом месте была Нинель Николаевна, фельдшер и заведующая Березовским фельдшерско-акушерским пунктом, приятная во всех отношениях дама возрастом на четыре года моложе Петра Ильича. Вроде бы у нее была бурная молодость, но теперь она вела регулярную, как сказали бы прадеды, и добропорядочную жизнь. С мужем развелась много лет назад а дочка с мужем и внучкой Нинели Николаевны жили в областном центре. С Петром Ильичом встречаться приходилось нечасто и, разумеется, скрывать эти теплые отношения – во-первых, от жены Улитина, а во-вторых, и от широкой общественности – все-таки он не артист и не футболист, чтобы безоглядно волочиться за каждой приглянувшейся женщиной. Обе задачи были невероятно сложны и риск провала присутствовал постоянно.

Нинель Николаевна довольно часто навещалась в райцентр, чтобы получить в больнице медикаменты, а заодно иногда навестить брата, который жил с семьей в городе уже около пяти лет, разочаровавшись в березовском житье. Но в первую очередь госпожа Федорова стремилась встретиться во время таких вояжей с Петром Ильичом Улитиным, хотя встречи удавались не всегда, были мимолетными и как бы случайными – для посторонних, разумеется. Петр Ильич был свободнее в своих поездках, когда не приходилось замещать спикера. Мало ли дел и интересов в округе у крепкого предпринимателя – хозяйственника. В этот день они договорились встретиться после обеда непосредственно в районной администрации по рабочему вопросу. А потом она хотела увидеть брата Леонида – к брату у Нинель тоже было дело. Цель визита, таким образом, была сугубо деловая: Березовскому ФАПу нужен был срочный ремонт крыши, ввиду приближающегося лета и грядущих проливных дождей. Брат должен был взять эту работу на себя – и ФАПу польза и брату какой-то приработок. Выделить же деньги на ремонт, ожидалось, сподобится районная администрация, поскольку в бюджете Березовки нужных для такой затратной работы сумм не просматривалось, как, впрочем, и на устройство общественного туалета возле автостанции. И точно – сразу после обеда Нинель Николаевна появилась в кабинете председателя думы, где ее ожидал Улитин. Поскольку никого тут больше не было, никто не помешал бурному изъятию чувств при этой встрече. Наконец Нинель Николаевна поправила прическу и промолвила мягко: «Пора». И они двинулись через приемную к первому заму мэра, предварительно справившись у секретарши, на месте ли он – есть важное дело. Первый зам, курирующий социальные вопросы, был на месте.

– От избирателей березовских есть серьезная заявка – начал после взаимных приветствий Улитин – крыша у ФАПа вконец прохудилась, требует неотложного ремонта.

– Неотложного? А что же райздрав – кажется, у них о том речи не было? Или было? Была?

– Просто они забыли, – вставила Нинель Николаевна, – проблем ведь много, где все упомнишь?

– Так ведь это – тендер, торги, проектно-сметная документация, экспертиза... – начал было первый зам мэра.

– Помилуй, Иваныч, ну какие торги, какая экспертиза, там всего делов-то – заменить одну стропилину и пять листов шифера – бодро сказал зампред думы. Никакая организация мараться не станет. Но ведь сама-то Нинель Николаевна не будет прибавать этот шифер. Да и поднять-то его у нее здоровья не хватит.

– Да, пожалуй, не хватит – с ноткой сожаления в голосе ответил первый зам мэра, оценивающе взглянув на гостью и прикинув, как она ворочает неподъемные листы шифера – Не потянет. Ну ладно, будем решать.

– А пара мужиков для этого дела найдется – закончил парламентарий. Главное – деньги.

Первый зам мэра кивнул в знак согласия и скорбно прикрыл глаза. Деньги требовались с утра и до вечера, на самые неожиданные и непредусмотренные дела. Он чувствовал, что еще немного – и беда может, неровен час, стрястись с его собственной крышей.

Наилучшим образом завершив эти переговоры, Петр Ильич и Нинель Николаевна вновь проследовали мимо секретарши, теперь уже в обратном направлении и на лощеной «Тойоте», одной из лучших моделей среди большого выводка «Тойот», Улитина отправились на улицу Подгорную, где проживал с семейством брат Нинели Николаевны. Тут они несколько замешкались, потому что жена брата со своей соседкой как раз встречали мужей, надо думать, прибывающих на обед. Славногорск – город небольшой и практически с любой работы на обед народ добирался домой, игнорируя кафе и рестораны с дорогой, и «по-домашнему» приготовленной трапезой. Но нет-нет – руки повара и официанты мыли – напраслину тут грех возводить. На этом в основном высокая культура сервиса и заканчивалась. Семеновна, как в обиходе величают жену брата, часто сидит на скамеечке у подъезда, когда погода хорошая. Соседка Исидоровна обычно составляет ей компанию, если ей не подбрасывают внуков. На этот раз их не было – увезли к другой бабушке в деревню, на здоровую и вкусную деревенскую пищу, которую, исключая картошку и капусту с огурцами, бабушка покупала все-таки в магазине. Исидоровна поэтому поспешила к подруге. Та была на посту, на этот раз не одна – с котом, мокрым и несчастным, которого хозяйка гладила по холке и всячески утешала, одновременно осуществляя его сушку.

– Что с котом-то? – поинтересовалась Исидоровна, дожда вроде с вечера нету.

– Какой дождь! Мой-то пришел с рыбалки, в грязных сапогах, наследил, схватил кота, спьяну подумал-тряпка лежит и ну пол вытирать. Пришлось под душ вести.

– Леонида?

– Кота! Ну и укусил его.

– Кота?

– Леонида!

Кот при этих словах горестно мяукнул, подтверждая, что все именно так и было. Но, может, он просто проголодался после купания и кусания Леонида.

– И что твой-то?

– Спит.

– Ну уж, наверно, рыбы-то наловил?

– Как же! Можно было полмешка селедки купить на пропитые деньги все-то труды – пять минут до магазина. Горе луковое, одно слово. Хорошо – твой не рыбак.

– И-и, не говори. Мужики, они все одним миром... Мой-то говорит «Выходной у меня, посплю немного, часов до десяти. Вставать вообще до тех пор не буду». Где там! Без пяти восемь позвонил приятель: машина не заводится. Дескать, помоги! Знаю я эти машины: дел на минуту, посиделки на полдня.

– А хочешь, я тебя тут обрадую?

– Чем это?

– Ты точно знаешь, что звонил приятель?

– А что же, враг звонил, что ли? Хотя этот приятель хуже врага. Выражается еще, на всю квартиру слышно, даром что не репродуктор – телефон.

– Ну вот видишь – радоваться надо:

– Да чему?

– Что это приятель его выцепил. А не приятельница.

Резон подействовал как близкий разряд молнии. Семеновна немедленно привстала и тут же опустила обратно на скамейку, переводя дух.

– Ну, ты скажешь!

– И очень просто: муж, например, говорить – начальство звонит, посидеть по-дружески, мол, надо. Пойду, мол, составлю бедняге компанию. А сам – налево.

Изругав всех мужиков и своих в частности, дамы взяли минутный тайм-аут, чтобы отдышаться.

– А вот и твой идет, Исидоровна.

– И вправду, еще и не идет, а пляшет.

Муж Исидоровны, завидев зловещее собрание на скамейке, сделал безнадежную попытку уклониться от курса. Увы! Было поздно.

– Стоять! Ни с места! Паф! – сказал чей-то невоспитанный внук и выстрелил в спину задержанному из водяного пистолета.

– Набрался, змей подколотый?

– Озвереть можно – пробормотал в сторону муж, а официально добавил:

– А че, я немножко. – И он несогласно помотал головой.

– Как же немножко, еле ноги волочишь!

Волоку и ладно – твердо отстаивал свою свободу и независимость муж Исидоровны, нетвердо стоя на ногах. – Иди лучше спать!

– И я же виновата? – всплеснула руками Исидоровна.

– А конечно, от такой жизни запьешь!

– От какой жизни, от какой такой жизни?

– От вашего визга поросычьего, от ваших пистолетов, пулеметов. Молчать, смирно!

Исидоровна насилу закрыла рот, но тут же опять открыла, преодолев минутную слабость:

– Изверг! Дебошир!

По всему выходило, что назревало рукоприкладство, все подготовительные стадии были успешно пройдены. И точно: последовал слабый взмах руки, но результат получился оглушительный, сигарета вылетела изо рта мужа Исидоровны и шлепнулась на кота Семеновны. Стая ворон от звука соприкосновения ладони Исидоровны со щекой супруга всполошилась и немедленно пошла на взлет, кот, благо был мокрый, не загорелся, но издал истошный вопль и сиганул на дерево. Чужой внук громко и противно засмеялся. На скандал поспешил близлежащий сенбернар, выгуливавшийся неподалеку, и притащил на поводке Анну Ивановну с внучкой Виолеттой и племянником Гавриилом, отслужившим в армии. Все, кроме сенбернара, ели мороженое. Выбежал из подъезда активист Иван Степанович, искушенный составитель жалоб и обращений, подтянулись два друга пятиклассника – прогульщики. Где-то завывла милицеская сирена. Немного выпивший муж потерял равновесие и уперся в скамейку руками, помогая себе лбом.

– Пойдем скорее, горе мое луковое – оглядываясь и увлекая спотыкающегося мужа, заспешила домой Исидоровна. – Вот я вам, паразитам! – погрозила она неизвестно кому кулаком и скрылась вместе с грузом за дверь. Вслед за ними вместе с котом покинула поле брани Семеновна.

– ...за народ! – услышала она голос Анны Ивановны между хлопаньями двери – собаке ... койно погулять не дадут!

Убедившись, что вся сильная половина крепко спит, подруги поспешили во двор, чтобы дать достойный отпор сенбернару и его Анне Ивановне, а если потребуется, и внучке Дашке и племяннику, отслужившему в армии. Но неприятеля уже не было, что оказалось очень кстати, поскольку имелись другие, гораздо более неотложные дела.

– Вообще-то он ничего себе, непьющий у меня – вернулась к теме Исидоровна, компанейский слишком только.. Один – ни-ни, а вот как только друзья с толку начинают сбивать – ну и выпьет, бывает.

– И не говори – подхватила Семеновна – мой-то тоже ведь не забулдыга. Всю жизнь жил, жил, да и сейчас еще... Детей вот вырастил – как же не выпить? По праздникам, да по выходным, с устатку, да еще, бывает, с расстройства.

– Вот-вот, как вникнешь в международное положение, так запросто и горькую запьешь. Один БАК, будь он не ладен, вместе с черной дырой чего стоит. Особенно леопардов жалко, барсов снежных. Да еще туарегов, не говоря о серых китах. Где же настоящему мужику со всем негативом справиться? Он ведь, настоящий-то мужик – слабенький. Вот и выпьет, бывало.

Да уж. Мой-то вишь какой заботливый – видит, что натоптал, давай скорей грязь вытирать. Ну и что, если котом? Кота и постирать можно. Да и не каждый день тобой полы подтирают, можно и потерпеть. Ох, достается мужикам! Недаром мало живут. И все сносят. Цены им нет!

– А как же! Не мужики – золото! И обо всех болеют. В молодости мой-то сколько за американских рабочих переживал, потерявших работу и приехавших на старом, потрепанном мерседесе за апельсинами на свалку, которую устраивали фермеры, чтобы не продавать себе в убыток. Как раз мой копил на «Запорожец», но собирался внести по призыву профсоюза, деньги в помощь им. А английский докеры, а служащие – как это? – эйр франс -? Хотели на мужнином заводе им месячную зарплату перечислить. Поляки вот теперь – попробуй-ка без конца свои яблоки есть – начнет ведь пучить! Вот и за них переживает – все-таки недавно еще дружественная страна, один полонез Огинского чего стоит!

И подруги, замолчав, углубились в свои светлые семейные мысли.

– Мы, пожалуй, не вовремя подъехали? – спросил Улитин свою попутчицу.

– Нисколько – не смутилась она. – Сейчас я дам задание Семеновне. Она все доведет до сведения. Завтра позвоню по телефону самому Леониду. Две минуты – она открыла дверцу автомобиля.

Как и следовало ожидать, две минуты трансформировались минут в двадцать, в продолжение которых Нинель Николаевна, любезно беседуя с приятельницами-соседками, и не давая им возможности спросить, а с кем же это она приехала и почему же он – сразу видно, что не шофер, не выходит с ними поздороваться. В конце концов в этом вопросе они остались при своем интересе, на прощание Семеновна часто, но с достоинством кивала головой. Переговоры были успешно закончены и теперь у Петра Ильича и Нинели Николаевны было в их собственном распоряжении целых полдня.

Кочубеев позвонил на следующий день рано утром и сообщил, что принципиальная договоренность с Бехтеревым достигнута и теперь нужно только обговорить с ним все основные моменты самому Петру Ильичу. При упоминании Кочубеевым месячного оклада таежнику в 20 тысяч рублей Петр Ильич поморщился, как при звуке скребущего по стеклу гвоздя,

но ничего не сказал – приемлемые суммы были ими с адвокатом прикинуты заранее, так что никаких экспромтов по финансовой части во время предварительных переговоров с Бехтеревым не случилось. Поскольку днем все, были заняты, включая и последнего, встретиться договорились в пять вечера у Кочубеева в офисе, который он делил с еще одним адвокатом, бывшем в этот день на выезде.

– Я понимаю – ты в курсе дел, Иваныч – по-свойски обратился к Никите Улитин после приветствий и стандартных вопросов типа «как дела?». – Какие возникают вопросы и с чего нам следует начать? Отлагательства дело не терпит. Но при этом – полная конспирация.

– Само собой. А во-первых, надо уточнить район поисков и что все-таки надо искать, нужен какой-то хотя бы приблизительный ориентир. Теперь, Ильич – принимая приятельский тон, сказал таежник – понадобится металлоискатель. Конечно, если там бриллианты, дело осложнится. Как думаешь, могли быть там камни?

– Даже если так – встрял Кочубеев, в чем-то они хранятся. Надежней всего – металл. Вряд ли Кузьма Францевич предполагал, что появится такая штука, которая сможет находить запрятанный металл.

– Будем рассчитывать на это. Стало быть, надо ехать в «область» – нужны командировочные и деньги на инструмент. Самый дешевый – полторы тысячи, но с ним можно пролететь – «копает» неглубоко. Нужен помощнее – тысяч за 10—12. Ну и, наконец, аванс – как мы есть люди деловые. Обязательно я думаю, будут представительские расходы, но аванса хватит – ковал железо Никита Иванович, опасаясь, что заказчик, паче чаяния, начнет все откладывать на потом и как бы ему, Никите, не остаться при своем интересе. Поскольку клад – субстанция гипотетическая, а расходы по его поиску будут вполне реальные.

Не говоря ни слова, Улитин отсчитал 13 тысяч и еще 10 тысяч – аванс. Кочубеев с интересом смотрел за этими манипуляциями. Когда деньги исчезли в кармане Бехтерева, Петр Ильич почесал в задумчивости переносицу и сказал:

– Тут еще один момент: скорее всего, придется нам делиться с государством – не жулики же мы, порядочные, кхе-кхе люди, не правда ли? Вы не против? – и он выжидательно посмотрел на заговорщиков. – Ну, конечно, если там будет чем делиться. О мелочи речи нет.

Никита пожал плечами и кивнул головой, Кочубеев индифферентно постукивал пальцами по столу. Умень Петр Ильич! Чтобы Никите не пришла в голову мысль попрятать половину или больше найденного, Улитин дал понять, что по кладу будет официальное разбирательство и жульничать тут – себе дороже.

– Ну и, кажется, пока все? Улитин пристукнул ладонью по коленке. Ну а теперь по маленькой – за успех дела. Тренькнули стопки и договор был скреплен самым популярным и даже обязательным в России образом.

Наутро Бехтерев уже ехал в областной центр – на маршрутном такси, не рискнув добираться за рулем своей «Нивы» – уж больно плотно стояли на улицах города автомобили и хотя иногда они то в одном, то в другом месте принимались-таки ехать, все это сопровождалось бесконечными сигналами клаксонов, оскорблениями через открытые по случаю скандала окна, а то и прямым рукоприкладством водителей – и, чем они хуже? – пассажиров. В маршрутке комфорта был минимум, но зато Никита Иванович предоставил шоферу труд довести его до города и в продолжение двух часов дремал, прикрыв глаза, чтобы не пялиться на чьи-то костлявые колени в брюках против своего лица – а больше в стиснутое поле зрения его ничего не помещалось. Прежде чем сделать покупку и целый день потом таскаться с ней, он реши, доехав до давно знакомого приличного кафе. После заглянул из интереса в несколько попутных магазинов, пока добрался до нужного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.